
Николай ГОДИНА

* * *

Выеживаясь, как небритый кактус,
От холода и злости — в тон гитаре
Бренчу на тех, с которыми я, каюсь,
Сидел когда-то на одном гектаре.

Грехами средней тяжести нагружен,
Хочу взнестись, но не по тяге сила.
У Господа сейчас, наверно, ужин
При звездах — у господ всегда красиво.

Цыганским солнцем опалило древо,
Прижатое ко мне спиной коряво,
Где речка убегала долго влево,
Пока не оказалась скоро справа.

* * *

Озерняются за озером овсы.
Как от пули, уклоняюсь от осы.
Озорной в куге утиный переклик.
Глина белая. По-нашему — белик.

Накопал ведро в углу саманных ям.
Мать побелит хату, охрою взбодря,
А потом пройдет с литовкой по репьям,
Чтоб не парили несущки втихаря.

Своенравец пес раздружится с котом,
Петуха шугнет неправедно потом.
Мать вздохнет над мальвой, постоит в траве
И меня погладит вдруг по голове.

Николай Иванович Година родился в 1935 году на Полтавщине. Горняк по образованию. Четыре года служил на кораблях Балтийского флота. Первое стихотворение опубликовал в газете «Кронштадтская правда», посещая литобъединение. Автор около тридцати книг стихов и прозы. Заслуженный работник культуры РФ. Почетный гражданин города Миасса. Лауреат литературных премий им. Мамина-Сибиряка, Бажова и др. Внесен в энциклопедию «Лучшие люди России». Участник Международного конгресса поэтов в Санкт-Петербурге. Живет в Челябинске.

* * *

Потому как понабрался всякого
Мусора на вихревом веку,
Уважаю дедушку Аксакова,
Кланяясь родному языку.

С острым приступом недоумения
В книгу современную гляжу.
Посылаю венчанного гения
По ругательному падежу.

Обменяюсь чувствами с березою,
На которой весело, навзрыд
Пушкинским стихом, лесковской прозою
Голосная птица говорит.

* * *

Все-то у русских не как у людей.
Все перед всеми во всем виноваты:
То за рассаду бесплодных идей,
То за цветы ядовитой навады.

Дождь поновил за оградой траву.
Выгадал время, пока я газету
От возмущенья по буковку рву,
Грязную в принципе сплетницу эту.

Только при чем здесь, не знаю, она —
Злая бумага в свинцовом изъяне,
Если Россия теперь лишь страна,
Где не по чину живут россияне.

* * *

Какой национальности — не знаю,
Блажная птица скляночно звенит.
Внизу плоится рослая лесная
Трава, чей цвет присвоил хризолит.

Почти за ботаническим пределом
Орленой медью плавится сосна.
И пруд, играя мускулистым телом,
Вылизывает отмель доясна.

Сюда бы хатку с верною лелекой,
Избушку ли с соседством соловья,
И — пусть скрипит арбой или телегой
На кочках жизнь уклонная моя.

* * *

Задабриваю печень коньяком.
Щекочат грубо залестные речи.
Я был, без шуток, классным мужиком,
Но был давно, от этих мест далече.

Теперь вот смачно варешку жую,
На мемуарном жанре солодею.
Вот родина, а я не узнаю,
Как в зеркале себя, ее идею.

Изнетил век охотку и кураж.
Не радуют демисезонные письма.
Еще топчусь потешней, чем мураш,
Заслуженный строитель коммунизма.

* * *

Женщина, красивая как лошадь,
Цокая железом каблуков,
По диагонали взрезав площадь,
Привела в смятенье мужиков.

Да, не все пропито и проето,
Иногда искрит еще внутри:
Помнят слабо гены и «про это»,
Но ведь помнят, черт их побери!

Недоразумение природы,
Вот стою и думаю — о чем?
А вокруг меня шумят народы
И толкают вежливо плечом.